

Из истории русского языка

Железные папорзи в «Слове о полку Игореве». Что это или кто это?

Владимир Иванович МАКСИМОВ, Общество исследователей Древней Руси при ИМЛИ РАН
(Россия, Москва), vladimir_maksimov44@mail.ru

10.31857/S013161170004462-7

АННОТАЦИЯ: Несмотря на более чем двухсотлетнее изучение знаменитого памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве», последний по-прежнему сохраняет множество так называемых «темных» мест и слов, не имеющих достоверного перевода и объяснения. В настоящей статье рассматривается история переводов и толкований одного из таких слов — слова *папорзи* в «темном» месте из «злата слова» великого князя Святослава «Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подѣ шеломи латинскими». Исходя из предположения о возможном польском источнике слова, употребленного в обращении к князьям западных русских земель, граничащих с Польшей, рассмотрена версия возникновения слова «папорзи» в результате искажения польского *porarcie* ‘помощь’ и предложена конъектура *ponarzi* с толкованием, соответствующим древнерусскому военному термину *помочи*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Слово о полку Игореве», «темные» слова, папорзи

для цитирования: Максимов В. И. Железные папорзи в «Слове о полку Игореве». Что это или кто это? // Русская речь. 2019. № 2. С. 17–29. DOI: 10.31857/S013161170004462-7.

From the History of the Russian Language

Iron Paporzi in The Word of Igor’s Campaign. What Is It or Who Is It?

Vladimir I. Maximov, Society of Researchers of Ancient Russia at the Institute of World Literature
(Russian Academy of Sciences), (Russia, Moscow), vladimir_maksimov44@mail.ru

ABSTRACT: Despite more than two century’s investigations of the famous early medieval Russian literal memorial “Slovo o Polku Igoreve” (“The Word of Igor’s Campaign”), it has a lot of so called “dark” places and words without accepted interpretations and explanations. Translations and interpretations for one of these words is being considered in this article — the word “paporzy” from the “dark” place of so called “zlato slovo” (“golden speech”) of Sviatoslav the Great Knyaz of Kiev (“Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подѣ шеломы латинскими”). Referring to the polish version of the word origin, that was used in a speech to knyazia (princes) of the western Russian lands, neighbouring with Poland, a version of the polish poparcie (assistance) distortion is analyzed and conjecture for “paporzy” with explanation is presented corresponding to the ancient Russian word “pomochy” (help).

KEYWORDS: The Word of Igor’s Campaign, “dark” words, “paporzy”

FOR CITATION: Maximov V. I. Iron Paporzi in The Word of Igor’s Campaign. What Is It or Who Is It? Russian Speech = Russkaya Rech’. 2019. No. 2. Pp. 17–29. DOI: 10.31857/S013161170004462-7.

П*апорзи* (ударение принято ставить на первый слог) с эпитетом *железные* упомянуты в обращении Святослава Киевского к западным русским князьям Роману Волынскому и не поддающемуся однозначной идентификации Мстиславу:

А ты буй Романе и Мстиславе!
храбрая мысль носить вась умъ на дѣло.
Высоко плаваеши на дѣло въ буети,
яко соколъ на вѣтрехъ ширяся,
хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.
Суть бо у ваю желѣзныи *папорзи*
подъ шеломы латинскими.
Тѣми тресну земля,
и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела,
и Половци сулицы своя повръгоша,
а главы своя по(д)клониша подѣ тыи мечи харалужныи.

Непонятные *папорзи* упоминаются не только в первом издании «Слова», но и в Екатерининской копии, и в выписках Н. М. Карамзина.

В других древнерусских текстах это слово не обнаружено. Первые издатели без каких-либо пояснений перевели *папорзи* как *латы*: «У вась *латы* желѣзныя подѣ шлемами Латинскими». Примерно так же понимал это слово И. И. Срезневский, который в своем словаре со ссылкой на фразу «Суть бо у ваю желѣзныи папорзи...» привел толкование «*папорзѣ* — наплечник, верхняя часть брони», указав: «Ср. Рус. обл. папорзокъ — плечевая кость (Грязов.)».

Позже предлагались толкования фразы, предполагающие внесение конъектур [Творогов (отв. ред.) 1995: 28]. Так, Ф. И. Буслаев (1861 г.) предложил исправить *папорзи* на *паперси*, считая их латами нагрудными. Впоследствии В. Н. Перетц (1926 г.) уточнил — *поперсыци* с тем же значением. Позже Л. А. Дмитриев, исходя из *поперсыци*, предложил понимать слово как «панцыри» в переносном значении «защитники княжества» [СПИ 1952: 276]. В 1936 г. А. С. Орлов высказал предположение, что *папорзи* могут являться результатом зеркального написания слога «роп», и предложил *паропци* — «молодые воины», а вместе с эпитетом — «железные молодцы». И наконец, в 1958 г. Ю. М. Лотман, приведя палеографическое обоснование — рамочная буква «в», перепутанная с «п», и опущение безударного «о», — предложил прочтение *павор(о)зи* — «ремешки, прикрепляющие шлем к подбородку» [Лотман 1958: 38], после чего процесс внесения конъектур замер.

Последняя конъектура, видимо, считается наиболее удовлетворительной, поскольку *папорзи* как «ремешки» даже попали в русское издание этимологического словаря М. Фасмера [Фасмер 1987: 202] (правда, как дополнение от переводчика с немецкого О. Н. Трубачева), а в словаре-справочнике В. Л. Виноградовой [Виноградова (сост.) 1973] и в «Энциклопедии «Слова о полку Игореве»» [Творогов (отв. ред.) 1995] не без ее влияния слово представлено неочевидной формой единственного числа *папороз(ъ)*.

Однако общее понимание слова не сформировалось, и в наиболее значимых изданиях «Слова» *папорзи* толкуются по-разному (ниже — в хронологическом порядке):

- «желѣзныи *папорзи* — железные молодцы» [СПИ 1952: 73] (А. С. Орлов);
- «желѣзныи *паворзи* — железные паворзи» — конъектура с неопределенным переводом и осторожной критикой в комментарии существующих версий [СПИ 1967: 52, 63, 510] (Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов);
- «желѣзніи *паперси* — железные нагрудники» [СПИ 1985а: 31, 42, 471] (Н. А. Мещерский, А. А. Бурькин);
- «желѣзніи *паробци* — железные молодцы» [СПИ 1985б: 42, 70] (Д. С. Лихачев);
- *паворози* без перевода с комментарием «ремешки с железными пластинками» [СПИ 1985в: 54] (О. В. Творогов);
- «желѣзныи *паворози* — железные подвязи» [СПИ 1990: 61, 83] (Д. С. Лихачев);
- «железныи *папорзи* — панцири железные» [СПИ 1997: 150, 157] (Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев).

С некоторым сомнением, указывая в примечании: «Версия “завязки, крепящие шлем”. Из прочих версий: *пап(е)р(с)и* “конские нагрудники”, “панцири”, сохраняет в тексте «Слова» конъектуру *паворзи* А. А. Зализняк [Зализняк 2008: 470].

Все эти толкования по разным причинам (как нагрудники либо наплечники *паперси-поперьсци*, так и ремешки-*павор(о)зи* слабо помогают пониманию и этой фразы, и следующего за ней «Теми тресну земля...», а *паропци*, не будучи достаточно убедительными, поскольку молодые воины вряд ли могли быть основной ударной силой княжеского войска, подразумевают существенную конъектуру) остаются весьма сомнительными.

Что касается версии *паворзи*, то наряду с недостаточной смысловой достоверностью этой версии отмечена ее морфологическая небезупречность. Так, В. Э. Орел, отозвавшийся о ней как о наиболее обоснованной («филологически фундированной и, по всей видимости, верной»), счел

необходимым заметить: «Ожидалось бы полногласное *паворози* (как соответствие польскому *powtóz* «веревка» и т. п.), что осложняет конъектуру» [Орел 1988: 129].

В лотмановские «ремешки-подвязы» для крепления шлема, похоже, не очень верил Д. С. Лихачев, поскольку этот вариант представлен им только в одном издании «Слова» [СПИ 1990] из перечисленных выше. В других изданиях под его редакцией фигурируют либо нагрудники-панцири, либо мѡлодцы-паробци. Причем довольно курьезным представляется присутствие в «Историко-литературном очерке» Д. С. Лихачева одновременно обоих вариантов: в пояснительном переводе написано: «Суть бо у ваю желѣзныи паперси подь шелома латиньскыи» — «Есть ведь у вас железные латы под шлемами латинскими» [Лихачев 1976: 66], а в приведенном в Приложении тексте «Слова» — «Суть бо у ваю желѣзныи паробци подь шелома латиньскыи» [Лихачев 1976: 137].

Другие исследователи Памятника свои сомнения в правильности упомянутых толкований выражали открыто. Так, А. А. Косоруков, приводя возражения О. В. Творогова касательно «незначительной детали — вида завязок под шлемами» и невозможности с помощью неодушевленного предмета объяснить последующую фразу текста — «Теми тресну земля...» [СПИ 1967: 510], отмечал: «Вряд ли можно считать удовлетворительными конъектуры “паперси” или “поперьски” со значением “латы” и “паворози” со значением “чешуйчатый ремешок, прикрепляющий шлем к подбородку”» [Косоруков 1986: 285]. И там же: «Не получила признания и поправка А. С. Орлова “паропци” в значении “молодые воины”, хотя по смыслу она более других подходит к контексту». Сам А. А. Косоруков в переводе, без объяснения, но в соответствии с контекстом, написал: «железные **полки** под шлемами латинскими». Позже он высказал мысль о том, что **папорзи** могут быть искажением слова **прапори** (знамена) с тем же значением «полки» [Косоруков 1996: 211].

Можно указать еще одно логическое несоответствие железных подвязей тексту Памятника. В высказывании «Суть бо у ваю желѣзныи **папорзи** подь шелома латинскими» местоимение двойственного числа «ваю» указывает на исключительную их принадлежность Роману и Мстиславу. Так понимал это место и Ю. М. Лотман, относя эту деталь к образной характеристике князей-воинов. Между тем в Памятнике князьям положены золотые (золоченые) шлемы — бѣется с половцами, «своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая», Всеволод (а значит, золотой шлем был и у руководителя похода, Игоря), прямо в следующем обращении Святослава к Ингварю, Всеволоду, и всем трем Мстиславичам (среди которых Д. С. Лихачев числит повторно упомянутого Романа) говорится: «Кое ваши златыи шелома...?» — и далее: «Ты, буй Рюриче и Давыде! не ваю ли злаченыи

шеломы по крови плаваша?» А к золотому шлему, конечно, должны были быть приданы золотые или хотя бы позолоченные, а никак не железные, подвязы. Да и вообще, много ли толку в бою от двух пар ремешков, удер-живающих княжеские шлемы?

Вместе с тем долгие непродуктивные поиски приводят исследователей к мысли о том, что хорош любой вариант. Так, А. С. Демин пишет о «папорзях-паперсях-паворозях» как о «примере словесной толерантности»: «Семантическая особенность «Слова о полку Игореве», наблюдаемая в данном случае, по-видимому, была вот какой: во фразы и выражения автор регулярно вкладывал настолько расширительный, переносный, иносказательный смысл, что в пределах такого смысла становилось возможным менять конкретные слова внутри фразы по созвучию, по родственности значений или как-либо еще, чем и занимались позднейшие переписчики, а затем и исследователи «Слова». И далее: «Таково семантическое коварство “Слова” — плата за широкую иносказательность» [Демин 2009: 301–305].

Но все же поиски происхождения «темных» слов Памятника и их более адекватных переводов имеет смысл продолжать. В частности, в связи со словом *папорзи* прежде всего необходимо отметить приведенную в тексте их атрибутику «подъ шеломы латинскими». Латинами естественно считать в первую очередь поляков, как ближайших соседей латинской веры на запад от Руси (литовцы в то время были еще язычниками). Еще определеннее на связь западных русских князей с Польшей автор указывает в следующем эпизоде «злата слова» — обращении Святослава к Иньгварю, Всеволоду, и всем трем Мстиславичам, владеющим Ляцкими сулицами и щитами. И здесь определенный интерес о языковых особенностях «Слова» представляет мнение современников его первого издания. В 1920 г. Л. К. Ильинский опубликовал «Перевод «Слова о полку Игореве» по рукописи XVIII века» [СПИ 1967: 95–107]. В предисловии к «Переводу» неизвестный автор пишет: «Сия поэма писана в исходе XII века на славенорусском языке; но столько встречается в ней малороссийских названий, что не знающему польского языка трудно и понимать». Из дальнейшего текста предисловия видно, что пишущий был довольно близок с первыми издателями — «но оригинал затерялся у Николая Михайловича (по-видимому, речь идет о Н. М. Карамзине. — В. М.), а у меня также был список перевода несколько уже выправленный». Под «оригиналом» здесь, видимо, понимался первоначальный вариант перевода «Слова», сделанный первыми издателями.

Отметим: польский язык. Это мнение человека, имевшего список с Мусин-Пушкинской рукописи Памятника, а возможно, видевшего и саму рукопись. То, что автор этих строк смешивает малороссийское наречие

и польский язык, неудивительно, поскольку до середины XVIII в. часть современной Украины, именуемая Малороссией, входила в состав Речи Посполитой.

Не отрицали возможность присутствия в Памятнике полонизмов А. С. Орлов, а затем и Д. С. Лихачев, который, однако, указывал, что «полонизмы могут быть разные: полонизмы, пришедшие в русский язык в XVIII в., и полонизмы, пришедшие в язык в XII в. из старопольского» [Лихачев 1976: 160]. Правда, позже А. А. Зализняк отметил, что «бесспорных полонизмов, т. е. несомненно пришедших из польского и несомненно отсутствовавших в древнерусском, в СПИ не обнаружено» [Зализняк 2008: 91].

Обратим, однако, внимание на то, что Роман и Мстислав, к которым взывает в рассматриваемом эпизоде Святослав Киевский, — князья западных русских земель, соседних с Польшей (Галич не так далеко от Кракова, который в то время был польской столицей). Контакты Древней Руси с Польшей ввиду географической и языковой близости были весьма активными: заключались династические браки (в 1042 г. сестра Ярослава Мудрого Добронега была выдана замуж за Казимира I, в 1103 г. дочь Святослава Изяславича Сбыслава — за Болеслава III), соседи участвовали в разрешении внутренних конфликтов в обоих государствах. Так, в 1018 г. Ярополк, с помощью Болеслава I победив в сражении на Буге Ярослава, вернул себе Киев, в 1047 г. Ярослав ходил в Польшу помогать своему зятю Казимиру I в подавлении мятежа, а в 1069 г. Болеслав II приходил с беглым Изяславом Ярославичем прогонять незаконно оказавшегося на киевском столе Всеслава Полоцкого. Неоднократно ходил в Польшу Владимир Мономах — то воевать, то заключать мир. Роман, который, по мнению Д. С. Лихачева, был полуполяком [Лихачев 1985: 136], внуком Болеслава III по материнской линии (Агнеса, дочь Казимира I), тоже ходил воевать в Польшу, где позже и погиб. Поэтому на Руси должны были быть известны многие польские слова, в первую очередь термины из польского военного лексикона, которые у западных князей вполне могли войти в обиход. И один из таких терминов мог быть использован в «злате слове» Святослава не только для придания стилистического колорита, но как элемент подчеркнуто уважительного, учитывающего региональные особенности языка, обращения к довольно независимым западным князьям.

Поэтому имеет смысл искать источник слова в польском языке. Тем более, что и ранее высказывались предположения о польских корнях слова: так, И. Добровский в письме А. С. Шишкову высказал предположение, что слово *папорзи* родственно польскому *porrag* — подпруга.

И хотя точного совпадения в польском языке, ни современном, ни старом, обнаружить не удастся, понять значение этого слова представ-

ляется все же возможным. Весьма существенным при этом является его употребление с определением «железные». В тексте «Слова» это определение встречается еще три раза, из которых один раз — в прямом смысле (как материал):

Уже соколама крильца припѣшали поганыхъ саблями,
а самую опу(с)тоша въ **путины желѣзны**

и дважды — в переносном:

а поганого Кобяка изъ луку моря отъ **желѣзныхъ** великихъ
плѣковъ Половецкихъ, яко вихрь выторже

и

Галички Осмомыслѣ Ярославе!
высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ.
Подперъ горы Угорскыи своими **желѣзными плѣки**.

Принятая составителями «Энциклопедии СПИ» [Творогов (отв. ред.) 1995] версия **папорози** с определением **железные**, относящемся к материалу, как уже было отмечено выше, плохо вписывается в контекст обращения Святослава к волынским князьям. В то же время употребление в двух последних случаях и продолжение рассматриваемого отрывка «теми тресну (содрогнулась. — В. М.) земля», явно отражающее тяжелую поступь полков, заставляет предположить, как это и сделал А. А. Косоруков, что **жельзныи папорзи** представляют собой какое-то название войска вообще, аналогичное «железным полкам» половецким и галичским.

И такое польское слово, похожее по звучанию и по графике (при записи кириллицей) и, что самое главное, подходящее по смыслу, существует. Это **poparcie** — **поддержка, помощь**, в том числе военная [Doroszewski (red.) 1958]. По-польски звучит **popárчe** с ударением на второй (как обычно в польском — предпоследний) слог. К сожалению, ввиду скудности памятников старопольской письменности обнаружить слово **poparcie** удалось лишь в тексте XVI в., в так называемой Конституции 1587 г., принятой на съезде шляхты в Вислице, подтвердившей принцип «вольной элекции» при выборах польского короля, которым стал Сигизмунд (Зигмунт) III, и начинавшейся словами «Poparcie wolney elekciey krola Sigmunta trzeciego...», где оно имеет значение «поддержка». Однако зарегистрированы топонимы, по-видимому, довольно древнего происхождения. Так, в хрониках войны 1812 г. упомянуто название населенного пункта **Попарцы** неподалеку от Ковно как места одной из первых стычек русского арьергарда с передовыми частями французской конницы Мюрата. В более близкой по времени к «Слову» жалованной грамоте короля

польского и великого князя литовского Владислава (Ягайла) князю литовскому Скиргайлу 1387 г. поселение названо *Попорти* с неясным значением [ГрПол: 83, 829]. На польских картах до 1939 г. населенный пункт именуется *Poparcie*. В настоящее время — *Paparčiai* (в Литве). Русские топонимы дают основания полагать, что по крайней мере в восточной зоне польское слово звучало или воспринималось «русским ухом» как *попáрци*. При этом окончание приводилось к стандарту языка, заимствующего слово (как в современном литовском). Искажение русифицированного варианта слова и могло породить неясное *папорзи*.

Отметим, что если безударное «о» в первом слове русской версии названия населенного пункта в XIX в. соответствует письменной форме в польском, то два других случая демонстрируют «пляшущие» «о-а», как в первом, так и во втором слове. Также *папо-* вполне может быть объяснено перестановкой слогов «по» и «па» при воспроизведении незнакомо-го слова переписчиком или ошибкой первых издателей, чему, безусловно, способствовала легкость такого искажения, поскольку в рукописи не всегда четко различались «о» и «а» [Щепкина 1952: 291]. Правда, остается под вопросом написание «з» вместо вероятного «ц», при том что, исходя из «стандартов» древнерусского письма, построить удовлетворительное палеографическое объяснение этого прочтения как ошибочного не представляется возможным, на что указывал Ю. М. Лотман [Лотман 1958: 38].

Не исключено, однако, польское происхождение «з». В эпоху становления польского языка звук «ц» («ч»), позднее приобретший обозначение «с», видимо, тяготел к «з», поскольку в латинских текстах X–XII вв. обозначался преимущественно буквой «z». Таково написание польских этнонимов *Zabrozi* (*zaboracy*), *Lendizi* (*лендзичи*), *Golensizi* (*Goleńszy*) в Хронике Географа Баварского, *Lusizi* (*лужичи*) наравне с *Luzici* у Титмара Мерзебургского, топонимов *Lunciz* (*Лѣсуца*) и *Deuentliz* (*Devętlіc*) в Гнезненской булле 1136 г. То же видим в первой записи на польском «*day ut ia pobrusa a ti pozivay*», означающей «*daj ać (= że) ja pobruszę a ty roszywaj*» — «дай же я поверчу жернов, а ты отдохни», которая написана латиницей в Генриковой книге под 1270 г. о чехе Богухвале и его жене, моловшей в жерновах зерно. Поэтому на ранней стадии формирования польского языка слово могло восприниматься русскими не как *попарци*, а как *папорзи*.

Следует отметить, что в предлагаемой версии «о» между «р» и «з», отсутствие которого трудно объяснить, исходя из *паворозъ*, не было вовсе, а древнерусское толкование слова не представляет сложности, поскольку соответствующий военный термин весьма часто встречается в летописях. Это слово *помочь* (мн. *помочи*) в смысле «войско», удовлетворяющее контексту более других вариантов прочтения.

В основном именно в этом значении слово употреблялось во времена похода Игоря: «И сняшася у Переяславля Игорь съ двѣма сынома из Новагорода Сѣверскаго, из Трубѣча Всеволодь, брата его, Ольговичъ Святославъ изъ Рыльска и **черниговская помочь**» (Лаврентьевская летопись, 1185), «Давыд же приде по Днепру, придоша же **ины помочи**, и сташа у Треполя...» (Ипатьевский список Ипатьевской летописи начала XV в.), «Давыдъ же приде по Днѣпрѣ, придоша же **ины помочи** и сташа у Треполя...», «Святославъ же съ Рюриком и съ **инѣми помочѣми** влегоша въ Днѣпръ противу половцем...» (Хлебниковский список Ипатьевской летописи XVI в.), «Святославъ же съ Рюриком и съ **инѣми помочми** влегоша въ Днѣпръ противу половцем...» (Ермолаевский список Ипатьевской летописи конца XVII — начала XVIII в.). Позже слово утратило это значение, и уже во времена В. М. Татищева **помощь** воспринималась однозначно в нынешнем смысле как явление или процесс: «Игорь... у Ярослава Всеволодича черниговского выпросил **в помочь** войска с Ольстином Олещичем, внуком Прохоровым».

Причем **помочь** — это не наспех собранные отряды, а регулярное войско, как правило во главе с воеводой, экспедиционный корпус, посланный князем, который сам в походе участия не принимал. Неоднократно термин употребляется в связи с галицкими князьями: «...ходиша бо князи русстии вси на половци: Святославъ Всеволодичъ, Рюрик Ростиславич, Володимеръ Глѣбовичъ, Святославичъ Глѣбъ, Гюргевичъ Глѣбъ Туровскый, Романовичъ Мстиславъ, Давыдовичъ Изяславъ, Всеволодь Мстиславичъ, и **галицкая помочь**, и **володимерская**, и **лучская**» (Лаврентьевская летопись, 1185), «Пойде Мстислав из Володимиря полком своим, с **галицскою помочью...**» (Ипатьевская летопись, 1162), «и **галицкая помочь**» (1168), «И Ярослава **помочь Галицъкого князя**» (1180), «И посласта по околнѣи князи, и совкупившася с нима Святославича Мъстиславъ и Глѣбъ и... **из Галича** от Ярослава **помочь...**» (1185).

Поскольку в рассматриваемом эпизоде говорится о князе волынском (а позже — и галицком) Романе, прославившемся военными действиями в Польше — «Романъ же... ѣха в Ляхы помочи дѣля ко Казимеричемъ» (Ипатьевская летопись, 1195), то вполне уместно полагать, что о его войске, той самой «володимерской **помочи**» (летописец имеет в виду Владимир-Волынский. — В. М.), и войске близкого ему Мстислава автор говорит практически так же, как про половецкие полки Кобяка и полки Ярослава Осмомысла: «Суть бо у ваю **желѣзныи попарзи** подъ шеломи латинскими — Есть ведь у вас **железные полки** под шлемами латинскими». Именно так, исходя из контекста и здравого смысла, написал в своем переводе А. А. Косоруков.

Польское слово вряд ли было самоназванием войск польских и во-лынских князей. Скорее, как и русское *помочи*, оно существовало лишь в контексте тех или иных союзнических отношений и так же должно было иметь предметное значение, впоследствии утраченное в процессе перехода к абстрактному *porarcie*. Однако *попарзи* понимались автором «Слова» и его современниками не как воинские формирования, а как совокупность воинов, что отразилось в использовании множественного числа: глагола «суть», а не двойственного «еста» на фоне «ваю», и дополнения «под шелома латинскими». Поэтому из двух вопросов, вынесенных в заголовок статьи, «что это?» или «кто это?», предпочтение следует отдать последнему. При этом в силу собирательного значения слова весьма сомнительным представляется существование формы единственного числа.

Предлагаемое объяснение слова обеспечивает вполне гладкий логический переход к последующей фразе:

Тъми тресну земля,
и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела,
и Половци сулицы своя повръгоша,
а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи.

Что касается уточнения текста «Слова», то лучшим вариантом представляется минимальная конъектура *попарзи* с указанием в комментарии: искаженное польское *porarcie* — *помощь*.

Источники

- ГрПол — Полоцкие грамоты XII — начала XIII в. Т. 1. М., 2015. 864 с.
СПИ 1952 — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1952. 308 с.
СПИ 1967 — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1967. 540 с.
СПИ 1985а — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1985. 498 с.
СПИ 1985б — Слово о полку Игореве. Классики и современники. Поэтическая библиотека. М.: Художественная литература, 1985. 222 с.
СПИ 1985в — Слово о полку Игореве. Сост. А. П. Комлев. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1985. 212 с.
СПИ 1990 — Слово о полку Игореве. БП МС. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1990. 400 с.
СПИ 1997 — Слово о полку Игореве // Литература Древней Руси. Хрестоматия. СПб.: Академический проект, 1997. С. 145–162.

Литература

- Виноградова В. Л. (сост.). Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 выпусках. Вып. 4. М.: Наука, 1973. 234 с.
- Демин А. С. Поэтика древнерусской литературы. (XI–XIII вв.). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 408 с.
- Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 480 с.
- Косоруков А. А. «Слово о полку Игореве» // Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI–XIV вв. М.: ИМЛИ, 1996. С. 188–211.
- Косоруков А. А. Гений без имени. М.: Современник, 1986. 288 с.
- Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Художественная литература, 1985. 352 с.
- Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. М.: Просвещение, 1976. 175 с.
- Лотман Ю. М. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1958. Т. XIV. С. 37–40.
- Орел В. Э. «Слово о полку Игореве» и его этимологическое изучение // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М.: ИМЛИ, 1988. С. 125–140.
- Творогов О. В. (отв. ред.). Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5-ти томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4. 330 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.
- Щепкина М. В. Рукопись «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1952. С. 290–293.
- Doroszewski W. (red.). Słownik jesyka polskiego. T. 6. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964. 1476 s.

References

- Demin A. S. *Poetika drevnerusskoi literatury (XI–XIII vv.)* [Poetics of ancient Russian literature (11th – 13th centuries)]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2009. 408 p.
- Doroszewski W. (ed.). *Słownik jesyka polskiego* [Dictionary of the Polish Language]. Vol. 6. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 1964. 1476 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. In 4 vol. 2nd ed., Moscow, Progress Publ., 1987. Vol. 3. 832 p.

- Kosorukov A. A. [The Word of Igor's Campaign]. *Drevnerusskaya literatura. Vospriyatie Zapada v XI–XIV vv.* [Old Russian literature. The perception of the West in the 11th – 14th centuries.]. Moscow, IMLI Publ., 1996. Pp. 188–211. (In Russ.)
- Kosorukov A. A. *Genii bez imeni* [Genius without a name]. Moscow, Sovremennik, 1986. 288 p.
- Likhachev D. S. "*Slovo o polku Igoreve*" i kul'tura ego vremeni [The Word of Igor's Campaign and the culture of his time]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985. 352 p.
- Likhachev D. S. "*Slovo o polku Igoreve*". *Istoriko-literaturnyi ocherk* [The Word of Igor's Campaign. Historical-literary essay]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976. 175 p.
- Lotman Yu. M. [On the Word "Paporzi" in "The Word of Igor's Campaign"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Moscow; Leningrad, 1958. Vol. XIV. Pp. 37–40. (In Russ.)
- Orel V. E. ["The Word of Igor's Campaign" and Its Etymological Study]. *Slovo o Polku Igoreve. Kompleksnye issledovaniya* ["The Word of Igor's Campaign". Integrated Studies]. Moscow, IMLI Publ., 1988. Pp. 125–140. (In Russ.)
- Shchepkina M. V. [The Manuscript of "The Word of Igor's Campaign"]. *Slovo o polku Igoreve* [The Word of Igor's Campaign]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1952. Pp. 290–293. (In Russ.)
- Tvorogov O. V. (ed.). *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"* [Encyclopedia of "The Word of Igor's Campaign"]. In 5 vol. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1995. Vol. 4. 330 p.
- Vinogradova V. L. (auth.). *Slovar'-spravochnik "Slova o polku Igoreve"* [Reference book of "The Word of Igor's Campaign"]. In 6 vol. Vol. 4. Moscow, Nauka Publ., 1973. 234 p.
- Zaliznyak A. A. "*Slovo o polku Igoreve*": *vzglyad lingvista* ["The Word of Igor's Campaign": a view of the linguist]. 3rd ed., Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008. 480 p.